

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

© 2022 г. А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий

В статье проведен анализ проблемных аспектов изучения построек позднекаменного века от Северного Прикаспия до лесного Прикамья. Жилище считается одним из составных компонентов археологической культуры. Ранее исследователи акцентировали внимание преимущественно на керамическом и каменном инвентаре. Вопрос о жилище, как культурном индикаторе в позднекаменном веке, оставался открытым. Актуальность темы сопряжена с поиском новых познавательных возможностей всестороннего анализа археологической культуры. Представлена характеристика сооружений в различных ландшафтных зонах. Сопоставлялись одновременные комплексы, что позволяло выявить своеобразные признаки для каждой территории. Сравнение проводилось на широком культурно-территориальном фоне. Выявлены характерные черты для разных периодов развития культур в рамках одного региона. Прослежены специфические конструктивные особенности жилых сооружений для полупустынных, степных, лесостепных и лесных районов.

Ключевые слова: археология, Поволжье, неолит, археологическая культура, жилище, периодизация, реконструкция.

Введение

К настоящему времени исследователями накоплен значительный объем информации для анализа конструкций позднекаменного века как составляющей археологической культуры. Большое значение имеет то обстоятельство, что жилища изучены в полупустынном Северном Прикаспии, степном, лесостепном, лесном Среднем Поволжье и Прикамье. Это позволяет провести сравнение в различных ландшафтных зонах и выяснить зависимость от природно-климатических факторов. Кардинально изменилась ситуация и с определением возраста памятников. Получение значительной серии радиоуглеродных дат дает возможность сопоставлять синхронные объекты разных культур, что делает сравнение более корректным.

Северный Прикаспий

На данной территории изучены остатки жилищ на стоянках Каиршак III (Васильев и др., 1989) и Байбек (Гречкина и др., 2021), которые относятся к раннему этапу развития

неолита данного региона. Это подтверждается как типологическим анализом материалов, так и серией радиоуглеродных дат. Судя по последним, хронологический интервал бытования памятников каиршакского типа составляет 7100–6800 лет ВР (Выборнов, Кулькова, 2021). На стоянке Тентексор, относимой к позднему неолиту, также изучена постройка (Васильев, Выборнов, Козин, 1986). Возраст этих комплексов определен от 6800 до 6400 лет ВР.

На стоянке Байбек жилище имело конфигурацию подовальной формы размером 20 кв. м в верхней части и 14 кв. м на дне. Сооружение было углублено в материк на 1 м. В заполнении, кроме артефактов, обнаружены кострище и яма (рис. 1; 2). Все это свидетельствует о стабильном характере сооружения. На стоянке Каиршак III исследовано две постройки, но предполагать увеличение населения оснований нет. Во-первых, еще в процессе раскопок были прослежены свидетельства их разновременности.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход».

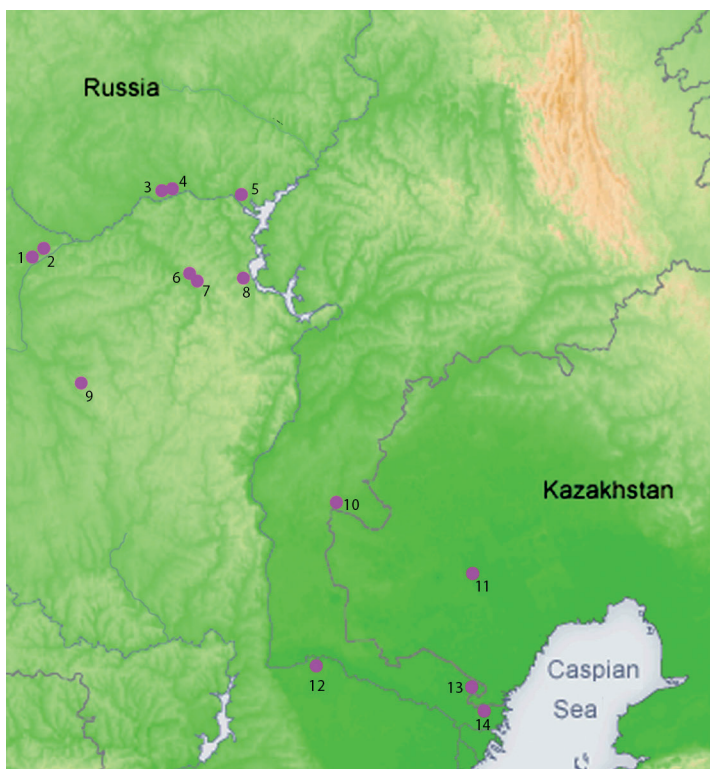

Рис. 1. Ранненеолитические памятники с жилыми сооружениями, упомянутые в статье: 1 – Удельный Шумец X; 2 – Нижняя Стрелка VI; 3 – Дубовская III, VIII, XIII, XXIII; 4 – Отарская VI; 5 – Ясачное I; 6 – Утюж I; 7 – Вьюново озеро I; 8 – Луговое III; 9 – Имерка VII; 10 – Варфоломеевка; 11 – Тентексор; 12 – Джангар; 13 – Каиршак III; 14 – Байбек.

Fig. 1. Early Neolithic Sites with residential buildings mentioned in the article:
1 – Udel'ny Shumets X; 2 – Nizhniaya Strelka VI; 3 – Dubovsky III, VIII, XIII, XXIII;
4 – Otary VI; 5 – Yasachnoye I; 6 – Utiuzh I; 7 – Vyunovo Ozero I; 8 – Lugovoe III; 9 – Imerka VII;
10 – Varfolomeevka; 11 – Tentexor; 12 – Dzhangar; 13 – Kairshak III; 14 – Baibek.

сти. Во-вторых, это подтвердилось и радиоуглеродными датами. Причем их возраст несколько древнее байбекского комплекса. Оба жилища имеют относительно большие размеры (47 и 48 кв. м), что скорее показатель количества обитателей (рис. 2). Но и здесь надо учитывать наличие очагов или зольников, что снижало жилое пространство. Достаточная глубина (до 1 м), наличие очагов и ям подтверждают долговременный характер построек. В то же время форма и конструктивные элементы сходны с жилищем на Байбеке. Примечательно, что на обоих памятниках отсутствуют столбовые ямы.

В Северо-Западном Прикаспии, сходной экологической нише, для аналогичного временного интервала (Выборнов и др., 2018) изучены два жилища в нижнем слое поселения Джангар (Кольцов, 2004). Как и в случае с каиршакскими постройками, можно предполагать их некоторую неодновременность. Различия в их размерах (14 и 24 кв. м) говорят о разном количестве обитателей. Наличие трех очагов в одном из них автор раскопок справедливо трактует их разновременностью. Глубина, очаги и ямы подтверждают стационарный характер построек. Примечательно, что их площадь совпадает с байбекской. Более того,

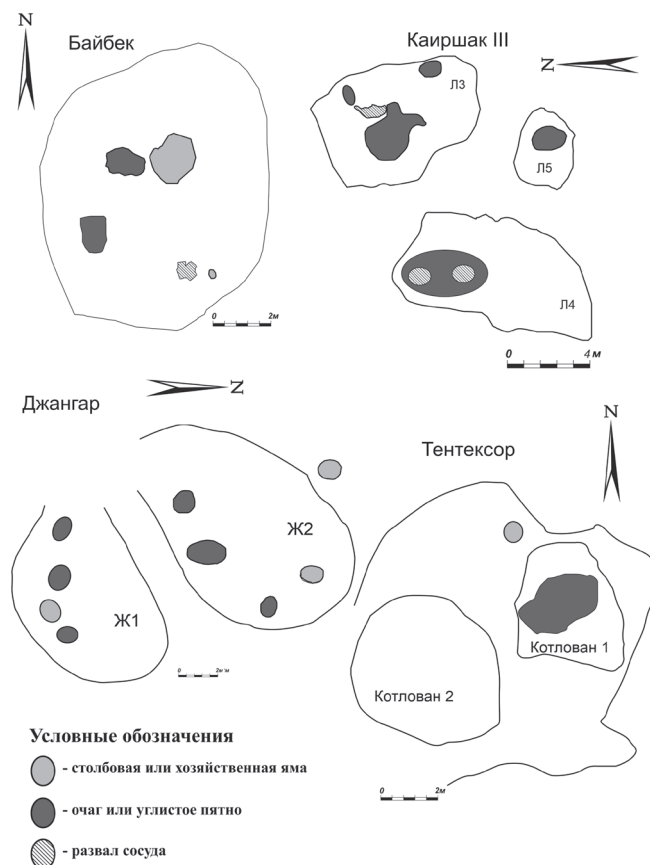

Рис. 2. Жилищные сооружения со стоянок: Байбек, Каиршак III, Джангар, Тентексор.

Fig. 2. Housing structures from the sites: Baibek, Kairshak III, Dzhangar, Tentexor.

овальная форма обоих аналогична североприкаспийскому типу. У джангарских построек фиксируется выход, схожий с таковым в одном из жилищ Каиршака III (рис. 2).

Что касается позднего неолита, то внутри жилой площадки (около 80 кв. м) стоянки Тентексор обнаружено два неглубоких сооружения (14 и 24 кв. м) подовальной формы. В одном из них присутствует очаг и вокруг него развалы сосудов (рис. 2). Аналогичное сочетание прослежено в ранних жилищах Прикаспия. Что касается позднего этапа джангарской культуры, то неглубокая постройка овальной формы 12 кв. м содержала очаг и развал сосуда на нем. Ямы от столбов не прослежены. Их отсутствие на всех памятниках

рассматриваемой территории наводит на мысль об использовании при строительстве тростника. Это подтверждается его нахождением непосредственно в жилище на стоянке Байбек.

Можно констатировать, что в обоих районах просматривается схожесть конфигурации и конструктивных особенностей. Устойчивость признаков на протяжении всего неолита приводит к выводу о стабильности данного компонента. Поэтому вышеперечисленные признаки могут характеризовать жилища данной ландшафтной зоны. Но следует учитывать, что неолитические материалы Северного и Северо-Западного Прикаспия относятся к разным культурам. Поэтому имеет смысл провести сравнитель-

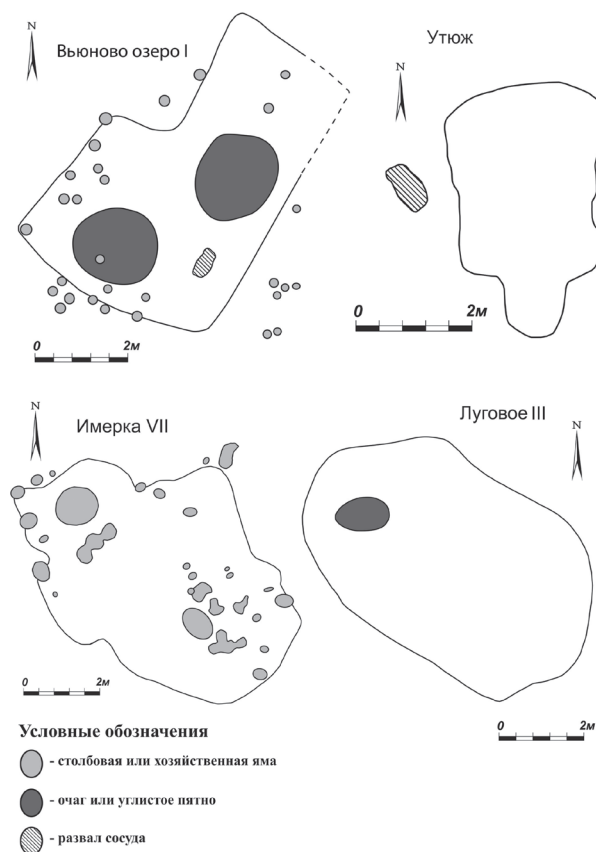

Рис. 3. Жилищные сооружения со стоянок: Выюново озеро I; Утюж I, Имерка VII, Луговое III.

Housing structures from sites: Vyunovo Ozero I; Utuzh I, Imerka VII, Lugovoe III.

ный анализ с материалами кельтеми-нарской культуры, расположенной в близкой природно-климатической зоне. Здесь изучено несколько конструкций на ряде памятников, которые имеют близкие хронологические границы с прикаспийскими комплексами. На наиболее ранней стоянке Учащи 131, чей возраст может соответствовать 7100–6900 лет ВР и каиршацким материалам, исследовано три одинаковых наземных объекта, не содержащих очагов и кострищ, столбовых и хозяйственных ям (Виноградов, 1981, с. 151). Подовальная форма и большой размер (150–200 кв. м) скорее соответствуют жилой площадке стоянки. Близкими по времени к байбекскому являются сооружения сто-

янки Толстова. Первое жилище прямоугольной (подовальной?) формы с входом, площадью около 140 кв. м, с контурами, столбовыми и хозяйственными ямами, очагами и кострищами. Автор раскопок реконструирует его как наземное сооружение каркасно-столбовой конструкции, аналогичное подовальному на стоянке Джанбас 4 (160 кв. м). Обращает на себя внимание значительный размер конструкций. Даже в лесном Верхнем Прикамье, обеспеченном строительным материалом, жилище 2 на Хуторской стоянке, 144 кв. м, по мнению исследователей, представляет собой две камеры по 60 и 72 кв. м (Денисов, Мельничук, 1991, с. 21). Обилие очагов объясняется их одновременностью,

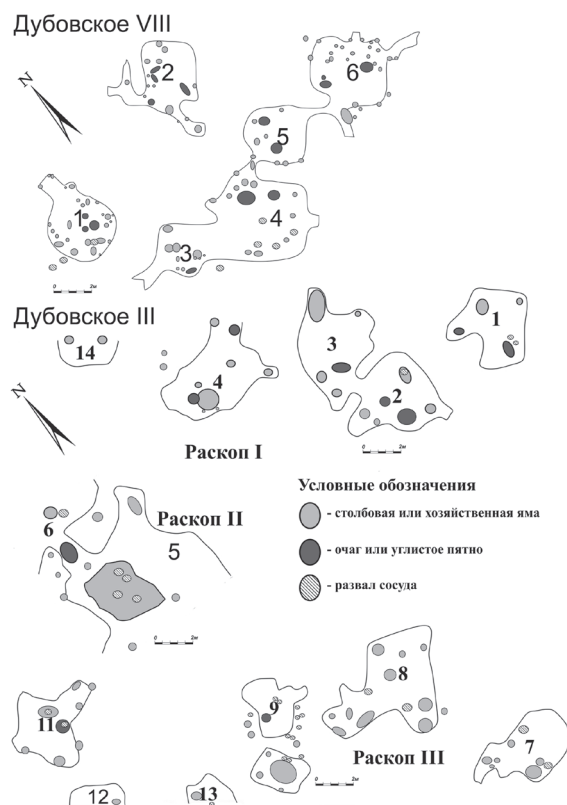

Рис. 4. Жилищные сооружения со стоянок: Дубовская VIII и III.

Fig. 4. Residential buildings from the sites: Dubovskaya VIII and III.

а кострищ – необходимостью вычищать очаги. Концентрация в определенных местах нескольких столбовых ям небольшого диаметра также может объясняться неодновременностью, вызванной необходимостью ремонта. Второе жилище на стоянке Толстова, судя по глубине котлована (до 100 см), столбовым ямам, крупному очагу и кострищам, интерпретируется как полуземлянка. Это позволяет рассматривать их как разносезонные. Таким образом, в неолите данного региона, в отличие от прикаспийских, представлены как наземные объекты, так и полуземлянки. Жилища внушительных размеров, что сопровождается столбовыми ямами. Это также нехарактерно для сооружений к западу от кельтеминара. Овальная форма присуща постройкам обоих регионов.

Иначе говоря, своеобразие конфигурации может быть характерной чертой для культур полупустынной зоны, а различия в конструктивных особенностях допустимо рассматривать как культурный индикатор.

Нижнее Поволжье

Остатки жилищных построек степного Поволжья прослежены на всем протяжении развития орловской культуры (Юдин, 2004). Значительная серия радиоуглеродных дат дает основание для констатации ее достоверных хронологических границ, которые почти совпадают с временными рамками неолитических культур Прикаспия и Среднеазиатского междуречья: 7200–6400 лет ВР (Выборнов, Кулькова, 2021). Основным исследователем неолита степного Поволжья скрупулезно описал все детали сооружений,

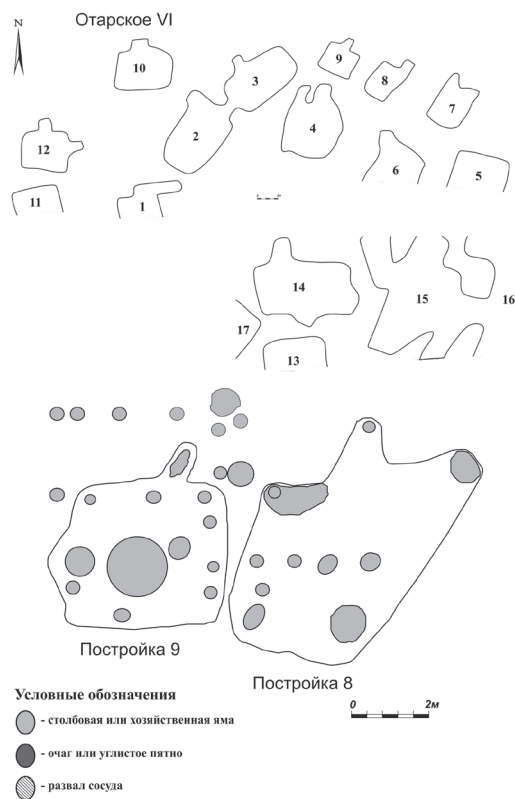

Рис. 5. Жилищные сооружения со стоянки Отарская VI.

Fig. 5. Housing structures from the Otary site VI.

относящихся ко всем этапам развития культуры, что избавляет нас от повторов. Суммарная характеристика представляется следующей. Жилища располагались достаточно плотно; имели подпрямоугольную форму; весьма крупные размеры, достигающие до 80 кв. м и более; значительную (порой до 1 м) углубленность в материк; долговременные очаги и ямы, как хозяйственные, так и столбовые; использование тростника и глины в качестве строительных материалов; посыпку охрой дна жилища. Перечисленные признаки проявляют устойчивость, почти повторяясь на всем протяжении существования орловской культуры. Увеличение количества жилищ на позднем этапе вполне объяснимо как общим развитием культуры, так и ограниченностью пригодных для про-

живания мест в степных пространствах, ограниченных в источниках воды. Ситуация чем-то напоминает среднеазиатскую. Но от последних орловские постройки отличаются формой, размерами и конструктивными деталями. Эти признаки вряд ли можно истолковать природными факторами. Так, в жилищах обоих районов фиксируются столбовые ямы и обнаружена кора деревьев. Иначе говоря, возможности были одинаковые, а параметры сооружений оказались различными. Не мог повлиять и разный тип хозяйства: обе культуры представляют охотников и рыболовов. Даже некоторые различия в размерах жилищ трудно объяснить только особенностями социальной структуры, доказательств которым пока нет. Отличаются от степных и площади

жилищ, и отсутствие столбовых ям. В то же время прямоугольная форма, достаточно большие размеры и прочие детали прослежены в неолитических комплексах степного Казахстана (Коробкова, 1996). Это дает основание предполагать, что признаки орловской культуры соответствуют как ландшафтной зоне, так и отражают культурную специфику.

Лесостепное Среднее Поволжье

Материалы из жилых сооружений стоянок Вьюново озеро I, Имерка VII, полученные на AMS, датируются 7200 лет BP (Андреев, Выборнов, 2017).

В раннем неолите лесостепного Поволжья остатки сооружений представлены на елшанских стоянках: Луговое III (35 кв. м), Имерка VII (жилище 3–35 кв. м), Утюж I (10 кв. м), Вьюново озеро I (20 кв. м) – и два жилища на поселении с гребенчатонакольчатой керамикой Имерка VII (не полностью вскрытое жилище 1 размерами более 60 кв. м, жилище 2 – 30 кв. м) (рис. 3). Их неглубокие котлованы (от 10 до 35 см глубиной), вероятно, были образованы в результате вскрытия дернового слоя. Подобная практика при сооружении наземных жилищ была характерна для обских угров (Соколова, 2009). Удаление пачкающего гумусного слоя делало чище пол жилища, а неглубокие борта котлована служили опорой для наклонно поставленного перекрытия. В этом случае не было необходимости в дополнительном вкапывании опорных столбов, что подтверждается отсутствием столбовых ям на большинстве перечисленных памятников. В жилище стоянки Вьюново озеро I несколько таких ям было выявлено по периметру жилища, но не по всему контуру. Некоторые из них находились внутри жилища, другие – за его пределами. В жилище зафиксированы два больших углистых (очажных?) пятна (Андреев, Выборнов, 2017, рис. 75). Ямы с углистым заполнением также отме-

чены в жилищах стоянки Имерка VII и Луговое III. В постройке стоянки Утюж I очажные ямы отсутствовали, причем здесь не было зафиксировано и хозяйственных ям, которые присутствовали во всех жилищах стоянки Имерка VII. Количество ям в полу является одним из показателей длительности существования жилищ. Многочисленные ямы свидетельствуют либо о перестройке жилища, либо о перемещении хозяйственных ям, которые обычно служили для вкапывания в пол глиняных сосудов или для хранения каких-то предметов. Количество таких ям в полу ранне неолитических жилищ заметно уступает их числу в жилых сооружениях позднего неолита и энеолита.

Котлованы стоянок Вьюново озеро I и Утюж I и второго жилища Имерки VII имели подквадратные очертания с недлинным коридорообразным выходом. На стоянках Луговое III, Имерка VII (первое и третье жилище) сохранившиеся контуры котлованов имели форму неправильного овала (рис. 3) (Андреев, Выборнов, 2017, рис. 75–76; Ставицкий, 2008, рис. 30). Отсутствие столбовых ям свидетельствует, что они не являлись постройками с каркасно-столбовой конструкцией, а имели шатровое перекрытие, которое весьма характерно для жилищ округлой и овальной формы, тогда как подпрямоугольные постройки чаще имеют каркасно-столбовую или срубную конструкцию.

Таким образом, ранне неолитические жилища лесостепной зоны по конструктивным особенностям ближе к жилым сооружениям степного населения, что достаточно закономерно, поскольку южные неолитические культуры оказывали более существенное воздействие на их развитие. Наличие подквадратных сооружений может быть связано с влиянием лесных традиций домостроительства. Судя по характеру распространения

находок, которые залегают не только в заполнении жилых котлованов, но и на окружающей территории, данные постройки использовались не только зимой, но и в летнее время года, что характерно и для большинства памятников степной зоны.

Лесное Среднее Поволжье

Неолитизацию Марийского Поволжья в настоящее время связывают с возникновением в регионе керамического производства (Никитин, 2011). Однако А.Х. Халиковым в 1960-х годах здесь выделялись также памятники докерамического неолита. При этом одним из критериев их принадлежности к неолиту как раз являлось наличие стационарных жилых сооружений (Халиков, 1969). В настоящее время данные памятники рассматриваются В.В. Никитиным в рамках мезолитической русско-луговской культуры (Никитин, 2018), но от стоянок раннего неолита они отличаются только отсутствием керамики и некоторыми особенностями жилищных конструкций (Ставицкий, 2014). Причем, по мнению В.В. Никитина, материальная культура мезолитического населения региона по основным параметрам: находкам рубящих шлифованных орудий, развитию сетевого и заборного рыболовства, появлению долговременных жилищ, сходной топографии расположения памятников – соответствует неолитическим признакам (Никитин, 2011, с. 11–12).

Памятники раннего керамического неолита в Среднем Поволжье представлены стоянками с неорнаментированной и слабо орнаментированной керамикой и посудой с накольчатой системой орнамента (рис. 4; 5). Со стоянки Отарская VI имеется дата 6700 ± 40 BP (JE 5998) ($5628-5488$ cal BC), полученная по углю из очага 3-го жилища, в заполнении которого преобладает наиболее архаичная неорнаментированная и слабо орнаментированная накольчатая керамика. В то же

время дата по накольчатой керамике стоянки Дубовская III 6467 ± 110 BP (SPb-2817) ($5621-5225$ cal BC) молодевого первого типа посуды (Выборнов, Кулькова, 2021, с. 44, табл. 1), следовательно, эти стоянки бытовали и в более позднее время.

В настоящее время в Марийском Поволжье раскопано 24 мезолитических жилища и 39 жилищ с накольчатой и слабо орнаментированной керамикой (Никитин, Соловьев, 2002, с. 104–105, табл. В). Массовое появление на памятниках русско-луговской культуры жилищ с углубленными котлованами и представительными комплексами рубящих орудий, видимо, свидетельствует о том, что еще до появления керамики местное население переходит к хозяйственной деятельности на основе сезонной оседлости. Это подтверждается наличием сезонных поселений, функционировавших в зимнее время, на которых зафиксированы отапливаемые жилища с котлованами, углубленными в грунт от 40 до 110 см, с находками, в основном сконцентрированными в заполнении их котлованов. По наблюдениям В.В. Сидорова, подобное распределение находок является характерным признаком зимних сезонных поселений (Сидоров, 2021).

Размеры большинства мезолитических жилищ невелики и варьируются в пределах от 20 до 50 кв. м. Хотя известны и исключения. Это четыре жилища на стоянках Дубовская XIII, Нижняя Стрелка VI, Удельный Шумец X, площадь которых достигает 110 кв. м (Никитин, Соловьев, 2002, с. 104, табл. В). Общее число жилищных впадин на стоянке Дубовская XIII – 7, а на стоянке Удельный Шумец X – 12, что соответствует практике строительства культовых или общественных сооружений на крупных поселениях. Однако не факт, что эти жилища одновременны. На стоянке Нижняя Стрелка VI зафиксировано всего две

жилищные впадины, а на поселении Удельный Шумец X – три крупных жилища, площадь которых равна 78, 110 и 112 кв. м. Поэтому более вероятно, что размеры сооружений были продиктованы конкретной численностью членов домохозяйств, состоявших, по-видимому, из больших патриархальных семей, размеры которых варьировались весьма значительно. Разделение таких семей происходило по мере экономической целесообразности или же после смерти её старших членов. В данном случае важен факт, что переход к комплексному присваивающему хозяйству на основе сезонной оседлости делал экономически целесообразным существование больших патриархальных семей, достигавших, судя по размерам жилищ, 30 человек.

Форма жилищ определяется В.В. Никитиным как квадратная, но некоторые постройки со стоянок Ясачное I, Дубовская X, XXIII, Удельный Шумец X скорее имеют форму неправильного овала (Никитин, Соловьев, 2002, с. 131–134, табл. 1, 1; 2, 2; 3, 1; 4, 3). Следует отметить, что квадратная форма жилища может являться признаком того, что в их основе лежит срубная конструкция, более характерная для долговременных жилищ, поскольку переносные жилища обычно имеют форму овала или круга. В неолите Малой Азии переход от округлых жилищ неоседлого населения к прямоугольным жилищам оседлого даже считают стадийным признаком. На долговременных поселениях стенки одного сооружения пристраивались к другому, что экономило затраты на строительство новых жилищ.

Необычна форма постройки 9 стоянки Дубовская XIII, которая имеет прямоугольный выступ, обращенный вовнутрь жилища по одной из длинных сторон (Никитин, Соловьев, 2002, с. 132, табл. 2, 4). Столь сложная кон-

фигурация, видимо, объясняется тем, что жилище было встроено в лесной ландшафт и данный выступ был занят вековыми деревьями, рубка которых не представлялась рациональной. Отметим, что на зимних селениях обских угров постройки сооружались в отдалении от водоемов в лесу и были разбросаны поодиночке между деревьями, чтобы зверь и птица не боялись домов и не замечали их (Соколова, 2009, с. 160). Схожая топография характерна и для долговременных мезолитических поселений Марийского Поволжья (Никитин, Соловьев, 2002, с. 24).

Приемы сооружения раннеолитических жилищ по некоторым параметрам наследуют мезолитические традиции местного населения, но все же существенно отличаются от них. Значительная часть неолитических сооружений является наземной и, судя по отсутствию очажных пятен в 11 наземных постройках стоянки Отары VI, они являются летними. Однако на этом же поселении зафиксированы два жилища с очагами и углубленными в грунт котлованами, причем глубина постройки 5 достигает 120 см. Впрочем, её культурная принадлежность не очевидна, наколотой керамики в заполнении найдено мало, зафиксирован венчик ямочно-гребенчатого сосуда, мало изделий на ножевидных пластинах (Никитин, 2011, с. 82–83). Из 14 жилищ стоянки Дубовская III половина имеет неглубокие котлованы (30–65 см) и очажные пятна, а в наземных постройках очагов нет. Углубленные котлованы и очажные пятна имеют все 6 исследованных жилищ стоянки Дубовская VIII (Никитин, Соловьев, 2002, с. 105, табл. В). Неорнаментированной керамики на поселении немного, и не исключено, что памятник датируется достаточно поздним временем, когда традиция сооружения глубоких котлованов возобладала у носителей на-

кольчатой керамики (Никитин, 2011, рис. 77, 81, 98, 99, 125). Нельзя исключать, что это зимнее сезонное поселение, о чем свидетельствует высокая концентрация находок в заполнении котлованов.

Более разнообразной является и форма неолитических жилищ. Помимо квадратных построек, здесь представлены овальные, прямоугольные, а также сооружения, вписанные в окружающий ландшафт. Значительно чаще, чем в мезолите, фиксируются переходы между жилыми помещениями. Наблюдается некоторое уменьшение средних значений размеров наземных построек. На стоянке Дубовская III только одна из них достигает величины в 30 кв. м. Не превышают данных значений и размеры 11 построек стоянки Отары VI. Однако размеры полуземлянок стоянки Дубовская VIII уже варьируются в пределах от 36 до 88 м (Никитин, Соловьев, 2002, с. 105, табл. В). По-видимому, летние жилища без очагов имели больше ме-

ста для сна и поэтому могли вмещать большее число людей.

Таким образом, своим происхождением строительные традиции носителей ранне-неолитической керамики были связаны с лесостепным населением, что неудивительно, учитывая неместный характер их появления на территории Марийского Полесья. Однако со временем ими были восприняты и местные приемы домостроительства, которые в большей степени отвечали условиям лесной зоны и свидетельствовали об их переходе к сезонной оседлости. Они отличаются и от построек камской культуры Верхнего Прикамья, находящейся в сходной природной нише. Здесь представлены прямоугольные сооружения значительных (до 100 и более кв. м) размеров. Иначе говоря, как в Нижнем, так и в Среднем Поволжье есть основания связывать различия жилищ не только с ландшафтными особенностями, но и с культурной спецификой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья. Самара: Порто-Принт, 2017. 300 с.
2. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.Е. Поздне-неолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1986. С. 6–31.
3. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каир-шак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Гос. пед. институт, 1989. С. 18–45.
4. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 174 с.
5. Выборнов А.А., Андреев К.М., Кулькова М.А., Филиппсен Б. Радиоуглеродная хронология неолита Волго-Камья // Уральский исторический вестник. 2018. № 3. (60). С. 66–77. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-66-77
6. Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы хронологии культур неолита Волго-Камья // Поволжская археология. 2021. № 3(37). С. 42–54. DOI 10.24852/ra2021.3.37.42.54.
7. Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Лебедев Ю.С. Жилище ранне-неолитической стоянки Байбек в Северном Прикаспии // КСИА. Вып. 262. М., 2021. С. 142–156. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.262.142-155
8. Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Второе жилище Хуторской стоянки // Неолитические памятники Урала / Отв. ред. Л.Л. Косинская. Свердловск: УрО АН СССР, 1951. С. 21–31.
9. Кольцов П.М. Поселение Джангар. М.: «Новый хронограф». 2004. 156 с.
10. Коробкова Г.Ф. Неолит Казахстана // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 126–133.
11. Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

12. Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья // Труды МарАЭ. Т. 10. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 260 с.
13. Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.
14. Сидоров В.В. Реконструкция жилища по археологическим источникам // Неолитические жилища: Материалы международного симпозиума, 17–18 мая 2021 года / Ред. А.А. Выборнов, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач. СПб.: Невская типография, 2021. С. 8–16.
15. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 755 с.
16. Ставицкий В.В. К вопросу о единстве критериев неолитической эпохи для культур севера и юга // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 171–177.
17. Ставицкий В.В. Неолит // Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы: монография / под общ. ред. В.В. Ставицкого, В.Н. Шитова. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 78–106.
18. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.
19. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

Информация об авторах:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Ставицкий Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

ISSUES OF STUDYING EARLY NEOLITHIC DWELLINGS OF THE LOWER AND MIDDLE VOLGA REGION

A.A. Vybornov, V.V. Stavitsky

Analysis of problematic issues of studying the Late Stone Age dwellings from the Northern Caspian to the Kama forest region is made in the paper. The dwelling is considered one of the composite components of the archaeological culture. Previously, researchers focused mainly on ceramic and stone tools. The dwelling issue as a cultural indicator in the Late Stone Age remained open. The background is defined by searching for a new cognitive capacity for a comprehensive analysis of the archaeological culture. Dwelling characteristics in various landscape zones are presented. Simultaneous dwelling complexes were compared, which made it possible to identify peculiar features for each territory. A comparison was made on the basis of a broad cultural and territorial background. Characteristic features for different periods of cultural development within the same region were revealed. Dwellings design features in semi-desert, steppe, forest-steppe and forest areas were identified.

Keywords: archaeology, Volga region, Neolithic, archaeological culture, dwelling, periodization, reconstruction.

REFERENCES

1. Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (Early Neolithic of the Forest-Steppe Volga Region)*. Samara: "Porto-Print" Publ. (in Russian).
2. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. E. 1986. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya (Ancient cultures of the Northern Pre-Caspian Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 6–31 (in Russian).
3. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A., Kozin, E. V. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiya (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 18–45 (in Russian).
4. Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurech'ia (Ancient Hunters and Fishermen of Central Asian Mesopotamia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Kul'kova, M. A., Filippsen, B. 2018. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 60 (3), 66–77 (in Russian).
6. Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 37 (3), 42–54 (in Russian).

This research was financially supported by the Russian Science Foundation's grant "Neolithization of the Lower Volga region: An Interdisciplinary Approach".

7. Grechkina, T. Yu., Vybornov, A. A., Lebedev, Yu. S. 2021. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 262, 42–156 (in Russian).
8. Denisov, V. P., Mel'nichuk, A. F. 1951. *Neoliticheskie pamjatniki Urala. (Neolithic settlement of the Urals)*. Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–31 (in Russian).
9. Kol'tsov, P. M. 2004. *Poselenie Dzhangar. (Dzhangar settlement)*. Moscow: "New chronograph" Publ. (in Russian).
10. Korobkova, G. F. In Oshibkina, S. V. (ed.). 1996. *Neolit Severnoi Evrazii (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 126–133 (in Russian).
11. Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).
12. Nikitin, V. V. 2018. *Mezolit Marijskogo Poles'ja (Mesolithic of Mari Polesye)* Series: Trudy Mariiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) X. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).
13. Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2002. *Poseleniia i postroiiki Mariiskogo Povolzh'ia (epokha kamnia i bronzy) (Settlements and Dwellings of the Mari Volga Region: Stone and Bronze Ages)*. Series: Trudy Mariiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
14. Sidorov, V. V. 2021. In Vybornov, A. A., Kolpakov, E. M., Tkach, E. S. (eds.). *Neoliticheskie zhilishcha (Neolithic Dwellings)*. St. Petersburg: "Nevskaya Tipografia" Publ., 8–16 (in Russian).
15. Sokolova, Z. P. 2009. *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI veka (The Khanty and Mansi: a look from the 21st century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Stavitsky, V. V. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 8 (3), 171–177 (in Russian).
17. Stavitsky, V. V. 2008. In Stavitsky, V. V., Shitov, V. N. (eds.). *Arkheologiya Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, 78–106 (in Russian).
18. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

About the Authors:

Vybornov Alexander A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education, Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vybornov_kin@mail.ru

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья принята в номер 01.09.2022 г.